

Владимир Гиляровский

Друзья

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Москва и москвичи // Эксмо, М., 2008

ISBN: 978-5-699-11515-0

FB2: "shum29" <au.shum@gmail.com>, 16.11.2008, version 1.0

UUID: 1e5ba81e-0524-102c-99a2-0288a49f2f10

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Алексеевич Гиляровский

Друзья (Люди театра)

«В старые времена не поступали в театр, а попадали, как попадают не в свой вагон, в тюрьму или под колеса поезда. А кто уж попал туда – там и оставался. Жизнь увлекательная, работа вольная, простота и перспектива яркого будущего, заманчивая и достижимая...»

Владимир Гиляровский

Друзья

В старые времена не поступали в театр, а попадали, как попадают не в свой вагон, в тюрьму или под колеса поезда. А кто уж попал туда – там и оставался. Жизнь увлекательная, работа вольная, простота и перспектива яркого будущего, заманчивая и достижимая.

Здесь «великие» закулисного мира смотрят на мелкоту, как на младших товарищей по сцене, потому что и те и другие – люди театра. Ни безденежье, ни нужда, ни хождение пешком из города в город не затуманивали убежденного сознания людей театра, что они люди особенные. И смотрели они с высоты своего призрачного величия на сытых обывателей, как на людей ниже себя.

– Горд я, Аркашка, – говорил Несчастливцев, шагая пешком из Керчи в Вологду, встретив Счастливецва, шагавшего из Вологды в Керчь...

И пошли вместе старые друзья, с которыми я служил на одной сцене. Именно с них, с трагика Николая Хрисанфовича Рыбакова и комика Александра Дмитриевича Казакова, писал Островский героев своего «Леса».

– Для актера трактир есть вещь первая, – говорил Аркашка.

Я имел незабвенное удовольствие не раз сидеть с ними за одним столом в актерском трактире «Щербаки».

* * *

...Владимирка – большая дорога. По избытым колеям, окруженная конвоем, серединой дороги гремит кандалами партия арестантов. Солнце жарит... Ветер поднимает пыль. Путь дальний – из Московской пересыльной тюрьмы в Нерчинскую каторгу.

По обочине, под тенью берез, идут с палками и тощими котомками за плечами два человека. Один – огромный, в каком-то рваном плаще, ловко перекинутом через плечо, в порыжелой шляпе, с завернутым углом широких полей. Другой – маленький, тощий, в женской кофте, из-под которой бахромаются брюки над рыжими ботинками с любопытствующим пальцем.

Большой широко шагает с деловым видом, стараясь не обращать на себя внимания встречных. Другому не до встречных: он торопится догнать спутника. Рыжая борода

мочалкой, мокрая и серая от пыли и пота, текущего струйками по лицу.

Но все-таки их заметили. Молодой парень первой шеренги, улыбаясь беззубым губастым ртом, гремит наручниками, тыча в бок скованного с ним соседа, тоже, как и он, с бритой наполовину головой:

– Глянь-ка, актеры! Гы... гы!

– Не смейся, щенок! Может, сам хуже будешь!

Да ведь это было. Было. Николай Хрисанфович в семидесятых годах в «Щербаках» в дружеской компании рассказывал этот анекдот.

– Мы шли вот с Сашкой Казаковым из Владимира в Москву, меня вызвали в Малый, дебютировать в «Гамлете». Помнишь, Сашка? Ты тогда от своего барина бежал и слонялся со мной. Сколько я тебя выручал!

– Да-с, Николай Хрисанфыч. Ежели бы не вы, заporол бы меня барин.

– А как я тогда играл Гамлета! Это было в 1851 году. Как играл!

– А потом, когда вас приняли в Малый, вы плюнули и сказали: «Не хочу быть чиновни-

ком!» – И мы ушли... В Воронеж ушли... А там вы меня выкупили у барина.

Это подтверждение Казакова было нужно, потому что Рыбаков любил приврать. Казакова тогда уже знали как известного провинциального комика, скромного и правдивого человека, и уважали его. Все знали и его прошлое, хотя он усиленно старался скрыть его.

Помещик Мосолов держал у себя в тамбовском имении театр, и Сашка Казаков, один из лучших актеров его крепостной труппы, крепко провинился перед бариним тем, что сошелся с барской любовницей, крепостной актрисой. Барин выпорол его и пообещал заporоть до смерти, если он еще позволит себе ухаживать. Грех случился. Барину донесли. Актрису он сослал в скотницы, а Казакова приказал отвести на конюшню porоть. Он вырвался, убежал, попал в труппу Григорьева, а потом уж Рыбаков оттуда увез его в Москву, выкупил на волю и много лет возил с собой.

* * *

О знаменитом Н. Х. Рыбакове, друге А. Н. Островского, остались только одни анекдоты

и ничего больше. Когда-то я записывал рассказы старых актеров и собирал их.

В первые годы моей литературной работы журналы и газеты очень дорожили этим материалом, который охотно разрешался цензурой. Газета, печатавшая их, даже завела отдел для этого материала под рубрикой «Записки театральной крысы».

Вот что сохранилось в моей памяти о знаменитом Н. Х. Рыбакове.

Двадцать лет Рыбаков сердился на Москву. Двадцать лет он приезжал постом то в знаменитый «Белый зал», то в неизменные актерские «Щербаки» и двадцать лет упорно не хотел выступать на московских сценах, даже несмотря на просьбу своего друга А. Н. Островского.

И было на что рассердиться – в 1851 году Н. Х. Рыбаков удачно дебютировал в «Гамлете» и «Уголино» на сцене Малого театра. Канцелярская переписка о приеме в штат затянулась на годы. Когда, наконец, последовало разрешение о принятии его на сцену, то Н. Х. Рыбаков махнул рукой: «Провались они, чиновники!»

И снова загремел по провинции.

В начале семидесятых годов в Москве, на Варварской площади, вырос Народный театр. Драматург Чаев, помнивший дебют Н. Х. Рыбакова в Малом театре, порекомендовал режиссеру А. Ф. Федотову пригласить Н. Х. Рыбакова в его труппу.

– Орало! Оралы нынче не в моде!

Эта фраза Федотова потом была увековечена А. Н. Островским.

– Да вы посмотрите, Александр Филиппович, сколько правды в нем, как он талантлив!

Н. Х. Рыбаков был приглашен на поспектакльную плату в двадцать пять рублей.

Народный театр открылся «Ревизором», и Н. Х. Рыбаков сыграл Землянику. Да так сыграл, что на каждую его реплику публика отвечала:

– Рыбаков, браво!

А на другой день в «Московских ведомостях» у Каткова появилась статья об открытии театра и отдельная о Н. Х. Рыбакове, заканчивающаяся словами: «Честь и слава Рыбакову!»

И сразу вырос в Москве Н. Х. Рыбаков во

весь свой огромный рост.

Следующей пьесой шла «Бедность не порок». Любима Торцова играл лучший из Любимов Торцовых – артист Берг, а Гордея – Рыбаков.

В третьем акте, когда Гордей говорит: «Да что ж, я зверь, что ли?», публика забыла всех исполнителей и закатила несмолкаемую овацию Рыбакову.

В тот же вечер Берг отказался играть Любима, если Гордея будет играть Рыбаков.

С этого дня Берг и Рыбаков стали чередоваться в спектаклях «Бедность не порок».

Перешел Народный театр к князю Урусову и Танееву. Рыбаков занял в театре первое место. А. Н. Островский создал «с него» и для него «Лес». Николай Хрисанфович поставил в свой бенефис «Лес», где изображал самого себя в Несчастливцеве. Аркашку играл знаменитый Н. П. Киреев, чудный актер и талантливый писатель, переводчик Сарду.

Театр полон... Встреча – сплошная овация. Наконец слова Несчастливцева:

«Последний раз в Лебеядни играл я Велизария. Сам Николай Хрисанфович Рыбаков

смотрел...»

Взрыв аплодисментов. Это был триумф невиданный. Но об этом забылось, а ходили только анекдоты о нем.

Рыбаков – богатырь, огромного роста, силы необычайной, но добрый и тихий, как ягненок.

И при славе первого светилы всегда был отзывчивый к «мелкоте». Шли к нему полуголодные «Аркашки», и отказа не было никому.

В Тамбове Николай Хрисанфович играл боярина Басенка в драме Н. Кукольника «Боярин Ф. В. Басенок». В одной из сцен Басенок схватывает шестопер и, размахивая им, читает свой бешеный монолог, от которого у публики мозги стынут: «Бык с бойни сорвался, тигр вырвался из клетки».

Мечется по сцене, угрожая палицей. Реквизитор, не позаботясь сделать палицу, принес из мастерских двухпудовый молот. С этим молотом провел всю сцену Рыбаков, а потом только выругал изящного и худенького режиссера Песоцкого:

– Тебе бы, дураку, такой молот дать!.. Посмотрел бы я!

Бывали с этим колоссом и такие случаи: в семидесятых годах, во время самарского голода, был в Москве, в Немчиновке, поставлен спектакль в пользу голодающих. Шло «Не в свои сани не садись». Русакова играл Николай Христофорович, а остальных изображал цвет московских любителей: В. А. Морозова (Дуню), Н. Л. Очкина, С. А. Кунича, Дм. И. Попов и другие.

После утренней репетиции, в день спектакля, на товарищеском завтраке Николай Хрисанфович выпил «лишние полведра» и загулял.

Его отвезли домой. Жил он на Тверской, в доме графа Олсуфьева, в актерских мебели-рашках – «Чернышах».

Но оставаться дома Николай Хрисанфович не пожелал и собрался в трактир к Тестову. Несмотря ни на какие просьбы окружающих, надел шубу, шапку, калоши и вышел в коридор. Его стали останавливать друзья.

– Прочь! – загремело по коридору, и все отхлынуло от «боярина Басенка».

На крик выбежала маленькая, кругленькая содержательница номеров Калинина и с

визгом набросилась на Рыбакова:

– Ты что же это, безобразник? Чего орешь?... Пошел назад! Ну, поворачивайся! – И впихнула растерявшегося гиганта в номер. – Шубу долой! Снял? Сапоги снимай!

Послушно разулся Николай Хрисанфович, а хозяйка взяла сапоги и вышла из номера. Все молчали и ждали грозы.

– Нет, какова? – добродушно рассмеялся Рыбаков и уснул до спектакля.

* * *

В числе московских друзей Николая Хрисанфовича был тогда юный Миша Садовский, сын его старого друга Прова Садовского. Все трое были друзья А. Н. Островского.

Миша родился уже в Москве. Сын Прова вырос в кругу талантов и знаменитостей; у его отца собиралось все лучшее из артистического и литературного мира, что только было в Москве: А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, Н. С. Тихонравов, Аполлон Григорьев, Л. Мей, Н. А. Чаев и другие. Многие из них впоследствии стали друзьями Михаила Провыча.

И в этой среде из юноши-актера вырабо-

тался талантливый писатель и переводчик.

В начале девяностых годов в Москве издавался Ф. А. Куманиным журнал «Артист», который очень любил Михаил Провыч.

Как-то зимой Михаил Провыч принес в редакцию «Артиста» свою рукопись, и собравшийся кружок сотрудников просил его прочесть что-нибудь из нее. Михаил Провыч прочел несколько отдельных сцен, которые то захватывали душу, то вызывали гомерический хохот.

– Вот так-то и Александр Николаевич Островский хохотал, когда я ему рассказывал эту быль, конечно, разукрашенную... Благодаря ему и рассказ этот «Дикий человек» я написал – это он потребовал.

Тогда Ф. А. Куманин и упросил Михаила Провыча упомянуть об этом в примечании к рассказу.

Примечание к рассказу было такое: «В конце семидесятых годов, в один из моих приездов к А. И. Островскому в Щельково, мы по обыкновению сидели с ним около мельницы с удочками; рыба не клевала; Александр Николаевич был скучен. Желая его развлечь, я

принялся болтать всякий вздор и как-то незаметно перешел к рассказу о том, как некий бедный человек от нужды поступил в дикие. Пока я фантазировал на все лады, Александр Николаевич не спускал с меня глаз, и, когда я кончил фантастическое повествование, он взял с меня слово непременно написать этот рассказ. Несколько раз я пытался исполнить его желание, но все не удавалось. Теперь, написав его, я счел обязанностью посвятить мой первый беллетристический опыт памяти знаменитого драматурга и моего дорогого учителя».

После напечатания этого рассказа Общество любителей российской словесности почтило Михаила Провыча избранием его в свои действительные члены.

Всегда веселый, Михаил Провыч отмечал все интересное эпиграммами и экспромтами. Так, когда появился нелепый морозовский «замок» на Воздвиженке, он сказал:

*Сей замок на меня наводит много
дум,
И прошлого мне стало страшно
жалко.*

*Где прежде царствовал свободный
русский ум,
Там ныне царствует фабричная
смекалка.*

Когда управляющим театрами назначили вместо пехотного офицера Пчельникова кавалериста Теляковского, Михаил Провыч пустил следующее четверостишие:

*Управляла когда-то пехота
Образцовым искусства рассадни-
ком,
А теперь управленья забота
Перешла почему-то ко всадни-
кам...*

Войдя как-то на репетицию в Малый театр, Михаил Провыч услышал жестокий запах нафталина и тут же сказал:

*Не житее нам, а малина,
Этот запах нафталина
Убеждает всех, что Боль
Выводил в театре моль.*

Остроумны были многочисленные басни Михаила Провыча, писавшиеся им нередко на злобу дня и ходившие по рукам с его люби-

мой подписью: «Хемни-цер П.».

Он владел пятью языками, в том числе испанским, и переводил пьесы без словаря.

Коренной москвич, он всей душой любил Москву, любил Россию и никогда не бывал за границей. Когда его приглашали за границу, он всегда отказывался и говорил:

– Я лучше поеду на Оку, на Волгу стерлядей да икру есть.

Чистый, самобытный москвич, он для шутки иногда любил сказать по-старомосковски:

– Я намедни его встретил у Трухмальных ворот, – и говорил это так, как будто иначе и нельзя сказать.

Сыну Михаила Провыча, тоже артисту Малого театра, Прову Михайловичу, я как-то, вспоминая отца и деда, сказал:

*Пров велик и славен был,
Был велик и Михаил.
Слава их сверкает снова
Нам в таланте ярком Прова.*